

Самолет плавно пошел на снижение. Двигатели работали мерно, рокочущий шум был практически незаметен. Таня вжалась в сиденье и закрыла глаза. Все как в сказке! Еще несколько минут, и она окажется в Италии, в Генуе!

А еще она наконец-то увидит отца.

— Не егози, — раздался повелительный голос.

Таня нехотя обернулась. На соседнем сиденье, элегантно закинув ногу на ногу, в изумрудно-зеленом стильном костюме от лучшего московского портного, расположилась ее мамеха Алла. Тане не нравилось, что полтора года назад отец снова женился. Ее родная мать скончалась от рака, когда Тане минуло четыре. С тех пор прошло почти пятнадцать лет.

Алла прищурила фиалковые глаза, поправила, как всегда, безукоризненную прическу (в этом месяце она была платиновой блондинкой — она прочитала, что в Европе это самый писк) и закурила тонкую сигарету с ментолом. Таня закашлялась. Алла прекрасно знала, что она не выносит табачного дыма, однако нарочно курила, чтобы лишний раз доказать падчерице: главная в семье — она!

— И не плачь, когда увидишь отца, — назидательным тоном произнесла Алла. — Запомни, ты дочь посла. Надеюсь, тебе это ясно?

Таня ничего не ответила. Алла намеренно обращалась с ней, как с ребенком, хотя Таня училась на втором курсе Института международных отношений. Она прекрасно знала, что ее отец, Виктор Викторович Полесский, уже пять месяцев посол Советского Союза в Великом княжестве Бертранском — крошечной монархии, расположенной на Лазурном берегу по соседству с Италией, Францией и Монако.

Отца Таня обожала. Высокий, импозантный, с ранней сединой, он представлял страну за рубежом на самом высшем уровне. В Москве он появлялся нечасто. В отличие от большинства дипломатических работников Виктор Викторович предпочел, чтобы его единственная дочь и молодая жена оставались в Москве. Алла, которой очень хотелось блистать в европейском обществе, была крайне недовольна решением супруга. Она воображала себя на огромной цветной фотографии, в шикарном платье, в бриллиантовом колье — крайне буржуазно, но именно это в полной степени соответствовало ее мечтам о настоящей жизни.

Когда ее мужу предложили столь заманчивый пост, Алла была на седьмом небе от счастья. Собственно, она и вышла замуж за Виктора по расчету. Она до сих пор не знала, понял он это или нет. Алла, обладавшая изящной фигурой, огромными фиалковыми глазами и завистливой душой, понимала, что с девятью классами образования она вряд ли преуспеет в жизни. Два неудачных замужества, двухкомнатная квартира в Москве, потрепанный автомобиль — вот и все, что у нее было. И, слава богу, никаких детей.

Поэтому Виктора Полесского, пятидесятитрехлетнего вдовца с взрослой дочерью, она сочла лакомым кусочком. Немного флирта, глупых улыбок, искусства

в постели — и дипломат сделал ей предложение. Алла сразу же прибрала к рукам многочисленные драгоценности, которые остались после первой жены Виктора. Вторым ее шагом было вытравливание из памяти супруга воспоминаний о матери Тани. Под видом обновления дизайна огромной квартиры Алла убрала в чулан все фотографии его первой жены.

Она знала, как подчинить своей воле мужчину. Виктор не оказался исключением. Всего через пару месяцев после заключения брака он стал мягче воска в ее руках. Наконец-то Аллочка смогла получить все, о чем мечтала.

Эксклюзивные портные, элитные косметички, бассейн, солярий, продукты, личный водитель... Всего и перечислить было нельзя. Алла быстро забыла о том, что совсем недавно радовалась, когда получила после развода чешскую люстру и финский сервант. Нет, прошлое навсегда сгнуло, теперь она — Алла Полеская, супруга советского дипломата.

И вот — ее муж стал послом. Разумеется, честолюбивая Алла предпочла бы США, Францию или, на худой конец, Данию, но Великое княжество Бертранское — от одного названия по телу пробегают мурашки. Алла едва отыскала его на карте — крошечное государство, которое тем не менее было важным стратегическим пунктом в Южной Европе. Рядом располагались военно-воздушные базы Америки, а в самом Бертране находилась резидентура ЦРУ.

В двадцать девять лет оказаться за границей, да еще в ранге жены Чрезвычайного и Полномочного Посла, от этого у многих могла бы закружиться голова, но только не у Аллы. Никаких глупостей, все ее похождения и авантюры остались в далеком прошлом.

Единственное, что раздражало Аллу, так это дочка Виктора. Татьяна была моложе ее на десять лет. Алла терпеть не могла рядом с собой хорошеньких женщин. А она видела, что пройдет еще пара лет — и

Таня станет настоящей красавицей. Тонкая бледная кожа, глаза цвета миндаля, идеальные зубы, темные вьющиеся волосы. Девчонка явно пошла в мать. Что ни говори, а вкус у Виктора был отменным, он разбирался в женской красоте. Но вовсе не в характерах.

Полесский обожал дочь, однако Алла исподтишка, намеками противодействовала этой любви. Он должен понять, что в его жизни есть всего одна женщина — она сама. И ей это удалось. Виктор все реже вспоминал о Тане, передавал ей приветы, которые Алла, конечно же, пропускала мимо ушей. Девушка училась в МГИМО, и именно этот факт позволил Алле убедить мужа — Таня должна остаться в Москве, на попечении сестры Виктора, старой девы.

— Милый, нельзя же срывать девочку с места только по прихоти, — сладким голосом ворковала Алла, обнимая мужа. Он чувствовал возбуждающее тепло ее тела, облаченное в один прозрачный пеньюар. — Если она отправится в Бертран, то не сможет продолжить образование. В конце концов, она уже взрослая, у нее есть поклонники.

— В самом деле? — Брови Виктора Викторовича взлетели вверх. — Ты мне ничего не говорила.

— Милый, я же не могу раскрывать тебе маленькие секреты, которыми делится со мной твоя дочь, — врала, не краснея, Алла. На самом деле они с Таней в течение двух предыдущих недель едва ли обмолвились двумя десятками ничего не значащих фраз. — У нее есть молодой человек из очень приличной семьи. Пока что ничего серьезного, глупостей я не допущу. Но разлука с ним может плохо сказаться на Танечке.

— Ты, как всегда, права, — Полесский чмокнул супругу в плечо. — Таня останется в Москве.

Алла потянулась, как кошка, вылакавшая целую кринку молока. Она добилась своего. Девчонка останется в Москве, в нескольких тысячах километров от

Бертрана, и не будет путаться под ногами. И ничто не помешает Алле покрепче привязать к себе Виктора и вообще на полную катушку наслаждаться жизнью на средиземноморском курорте.

— Нас будут встречать, — сказала Алла. — Ты должна вести себя соответствующе. Поняла?

Таня снова ничего не ответила. У нее был краткий разговор с отцом по телефону. Он сказал, что принял решение: Алла приедет к нему в Бертран, а ей придется остаться в Москве и продолжить учебу. Ее поразил сухой и безразличный тон отца. Она попыталась возражать, но ничего не помогло.

Итак, всего месяц. Она сможет пробыть месяц в Бертрране, а потом, к сентябрю, придется вернуться в Москву. Всего месяц — или целый месяц? Тридцать дней в ее полном распоряжении. Таня понимала, что без Аллы не обошлось, однако она видела, как счастлив отец. Она не собирается мешать ему. Он и так слишком долго был в трауре по умершей пятнадцать лет назад жене.

Сначала по-русски, а затем на ломаном английском объявили, что самолет совершает посадку в аэропорту Генуи. Еще несколько минут — и они оказались на итальянской земле.

Алла как супруга посла находилась в привилегированном положении. В темных очках и с надменной холодной улыбкой она смотрелась великолепно. Не оборачиваясь, она поднялась и первой прошла к трапу. Таня проследовала за ней.

Их действительно ждали. Темный лимузин с дипломатическими номерами. Предупредительный молодой человек сразу бросился к Алле с небольшой прозрачной коробочкой, в которой находились изумительные орхидеи тигровой раскраски.

— Алла Сергеевна, — произнес он, — с прибытием вас. Небольшой подарок от Виктора Викторовича.

— Какая прелесть, — сказала Алла. — Благодарю вас.

— Прошу вас, — молодой человек показал на лимузин. — Меня зовут Игорь, я помощник вашего мужа. К сожалению, сам Виктор Викторович не смог прийти, ему назначена аудиенция у великого князя Клода-Ноэля.

— Разумеется, — проговорила Алла. — Для моего мужа работа прежде всего. Он представляет за рубежом нашу Родину.

Таня усмехнулась. Алла крайне критически относилась к советскому образу жизни, не стесняясь в выражениях, костерила совковый уклад, но соблюдала осторожность: всего одно неосторожное высказывание, услышанное не тем человеком, — и карьера ее мужа могла полететь под откос. Но Тани Алла не стеснялась.

— А вы Татьяна Викторовна? — Игорь с улыбкой посмотрел на Таню.

Таня смутилась. Она знала, что нравится молодым людям, но пока что все ограничивалось комплиментами и невинными поцелуями.

— Ах да, это моя падчерица, — Алла изящно махнула обтянутой перчаткой рукой. — Игорь, — капризно произнесла она, — нам пора.

Игорь пристально посмотрел на Таню, девушка вспыхнула. Как же она мечтала о настоящей любви. И вот — он, воплощение ее мечтаний. Сильный, красивый, уверенный в себе. Как и ее отец.

— Прошу вас, — Игорь предупредительно распахнул перед Таней дверцу лимузина.

Таня впервые оказалась внутри огромной машины. Там был бар (Алла сразу же потянулась к пузатой коньячной бутылке), цветной телевизор, который показывал итальянскую новостную программу, мягчайшие

кожаные сиденья и кондиционер, создававший приятную прохладу.

— Необходимо соблюсти кое-какие таможенные формальности, — сказал Игорь. — У нас дипломатическая неприкосновенность, однако это не избавляет нас от бюрократической волокиты.

— Мой багаж, — заволновалась Алла. Она привезла с собой только половину гардероба, который едва уместился в двенадцати огромных клетчатых чемоданах. — Игорь, вы о нем позаботитесь?

— Конечно же, Алла Сергеевна, — ответил Игорь. — Вам не нужно беспокоиться, к русским в Италии относятся с симпатией, страна во многом социалистическая.

Необходимые процедуры заняли не более получаса, в течение которых Алла лениво потягивала коньяк и перещелкивала с канала на канал. Игорь наконец вернулся.

— Все в полном порядке, — произнес он. — Мы можем ехать. Ваши чемоданы в посольской машине, она последует за нами. Я уже поставил Виктора Викторовича в известность, что вы прибыли.

Путешествие началось. Таня, раскрыв глаза, наблюдала за тем, что происходит на улицах Генуи. Она все-таки дочь дипломата и имела представление о том, что такое жизнь за рубежом, но одно дело слышать рассказы или смотреть видеокассеты, и совсем другое — рассматривать все собственными глазами. Ее поразили пестрые и демократичные одежды. Кто в шортах, наперевес с фотоаппаратами, кто в потертых джинсах и майках.

— Генуя — город туристов, — пояснил Игорь. — Именно поэтому здесь так много воров. Так что будьте внимательны, молодчики на мотоциклах срывают

сумочки у хорошо одетых туристок вмиг, а полиция не занимается такими делами.

— Почему? — спросила Таня.

— Или не желает портить отчетность, или состоит в доле с воришками, — ответил Игорь и снова улыбнулся ей. Сердце у Тани замерло. Неужели она ему понравилась?

Лимузин с дипломатическими номерами мчался по улицам и скоро оказался на трассе, которая змеей вилась по гористой местности. Бертран располагался в нескольких часах пути. Алла достала перламутровый веер и стала обмахиваться.

— Мы подъезжаем, — произнес наконец Игорь. — Извините, что пришлось долго ехать, но в Бертрane нет собственного аэропорта, только причалы для яхт. Впрочем, вы и сами увидите.

С горного серпантина открылся великолепный вид на крошечное княжество. Оно напоминало подкову: бухта врезалась прямо в берег, а шикарные виллы и светящиеся небоскребы тянулись тонкой полоской вдоль моря.

— Какая красота, — пробормотала Алла. Все сомнения отпали: Бертран именно то место, где она хочет жить. Конечно, здесь всего две тысячи жителей, да и территория государства смешная, то ли семь, то ли десять квадратных километров, но рукой подать до Ниццы, можно и в Париж слетать.

Таню очаровал вид заходящего солнца. Лучи прорезали в облаках, похожих на замки, розовые бойницы. Море казалось темно-синим, практически черным. Неужели в ее распоряжении всего месяц, и потом она покинет это великолепие на целый год?

Москва казалась такой далекой. У Тани защемило сердце. Она расстанется с отцом. И с Игорем. Она быстро посмотрела на молодого человека. Он — как на-

зло! — внимательно следил за ней в автомобильное зеркало. Их взгляды встретились. Таня снова покраснела. Боже мой, нечего вести себя как девчонка.

— Советское посольство расположено в крошечном замке, раньше там проживала вдовствующая великая княгиня Эдвардина, супруга Филиппа Первого, который правил в девятнадцатом веке, — пояснил Игорь.

— А часто ли устраивают приемы во дворце? — поинтересовалась Алла. Узнав, что Бертран — это монархия, она захватила с собой около десятка вечерних туалетов. Никто не посмеет сказать, что у жены русского посла плохой вкус. Она всех затмит своим великолепием.

— Примерно раз в месяц, — ответил Игорь. — Нынешний великий князь, Клод-Ноэль, вступил на трон всего несколько лет назад. Его отец, Виктор-Иоанн IV, был крайне популярен. Молодой князь пока что предается развеселой жизни, тратит деньги.

— А великая княгиня? — задала вопрос Таня. Ее не занимали великосветские новости, но ей хотелось до смерти, чтобы Игорь обращался именно к ней.

— Клод-Ноэль не женат, и это основная проблема всей страны, — ответил Игорь. — Если у династии Гримбургов, которая правит в Бертроне, не будет наследников, то возникнет политическая коллизия. Однако ходят слухи, что он приглядел себе какую-то немецкую герцогиню. Впрочем, такие слухи возникают каждые полгода.

Таню поразили шикарные виллы, которые больше походили на декорации к сказкам: белоснежные башенки, лепнина, мраморные лестницы, ведущие к бассейну.

— Кому все это принадлежит? — спросила она.

Игорь охотно пояснил:

— Как нас учили в школе, а затем в университете, капиталистам, эксплуататорам рабочего класса. А если серьезно, то взгляните направо, видите домик со стеклянным куполом вместо крыши?

Домик оказался расположенной на трех ярусах виллой с великолепным садом, вертолетной площадкой, двумя бассейнами и полем для гольфа.

— Говорят, но только говорят, что он принадлежит Элизабет Тэйлор. А соседний, опять же по слухам, — выгодное капиталовложение одного южноамериканского диктатора. Прелесть Бертрана в том, что в этом карликовом государстве и налоги карликовые. А те, кто кладет в банк деньги, вообще их не платит. За счет этого страна и добывает себе кусок хлеба с маслом.

— И с толстым слоем черной икры, — съязвила Алла.

В ее голосе была заметна неприкрытая зависть. Еще бы, шикарные виллы, жизнь, ради которой она готова продать душу Люциферу и Дракуле, и всего в нескольких метрах — но под присмотром видеокамер, тренированных охранников. Не ее жизнь. Чужая.

— Мы практически на месте, — произнес Игорь.

Машина, проехав еще несколько метров, плавно притормозила. Они оказались около крошечного замка из темно-красного гранита. Стальная решетка, преграждающая путь, отошла в сторону. Они въехали на территорию советского посольства, о чем горделиво извещала натертая до нестерпимого блеска золоченая табличка.

Таня в сгущающейся тьме заметила отца. Но Алла опередила его. Она первой подлетела к Виктору Викторовичу, подставила щеку для поцелуя и сразу же стала жаловаться на невыносимо долгий перелет, длинный путь из Неаполя в Бертран, жару...

— Дочка, как же я рад тебя видеть, — произнес Виктор Викторович, не слушая залиvistые речи жены.

Алла, закусив губу, с ненавистью посмотрела на падчерицу. Вся работа насмарку. Стоило Виктору увидеть дочку, как он забыл обо всем. Ну ничего, она постарается убедить мужа, что девчонке нужно как можно быстрее вернуться в Москву и готовиться к новому учебному году.

— Папа! — Таня бросилась к отцу и повисла у него на шее. Она так мечтала об этой встрече. — Как же мне тебя не хватало, папа!

— Я знаю, дочка, — он нежно поцеловал Таню. — Ну, как дела, все в порядке? Ладите с Аллочкой?

Таня на секунду задумалась — стоит ли рассказывать отцу, что с Аллой они иногда не разговаривают неделями, сталкиваются только в прихожей и на кухне, что Алла пропадает вечерами, возвращается поздно, что разговаривает с непонятными мужчинами и тратит деньги направо и налево, приобретая чуть ли не каждый день новую вещь, которую, надев единственный раз, отбрасывает прочь.

Но зачем отцу все это знать? Он ведь счастлив с Аллой, хотя она явно не его тип. Пусть сами разбираются. Отец ей не поверит, Алла обладает изумительным даром все извратить и представить в выгодном ей свете. Виновной окажется Таня. В любом случае отцу нельзя разводиться, на его вторую женитьбу и так смотрели косо, хотя первая супруга умерла много лет назад. Его новая жена оказалась почти на двадцать пять лет моложе — и это советский дипломат! Возможно, именно поэтому Полесский, весьма способный дипломат, получил ранг посла в крошечном Бертроне.

— Конечно, папочка, — ответила Таня и поцеловала отца. — Мы с Аллой лучшие подружки.

— Вот и хорошо, — вздохнул Виктор Викторович.

вич. — Мне так нужно, чтобы в семье царил мир. Но ты молодец, дочка, я тобой горжусь.

Он снова повернулся к Аллочке. Подошла вторая машина с многочисленными чемоданами.

— Пройдемте внутрь, — сказал Виктор Викторович. — А то нас могут подслушать!

— А разве могут? — спросила Таня у Игоря.

Молодой человек пояснил ей:

— В принципе не открою государственной тайны, если скажу: шпионаж — это одна из задач дипломатии. Бертран — средоточие интересов многих стран. Недалеко от княжества расположены базы США, в княжестве Бертранском полно финансовых секретов всего западного мира, здесь заключаются тайные сделки и соглашения, от которых подчас зависят судьбы миллионов людей и многих государств.

— А мой отец... — Таня замялась. — Он что, тоже этим занимается?

Игорь расхохотался:

— Таня, ты ведь позволишь себя так называть, ты просто великолепна! Устами младенца глаголет истина.

Таня немного обиделась. Игорь, хоть ненамного ее старше, может быть, лет на семь, снова напоминает ей о том, что она ребенок. Но ей девятнадцать, какой же она ребенок.

— О таких вещах лучше всего говорить в «аквариуме». Знаешь, что это такое? — сказал Игорь.

— Он из стекла, там живут рыбки, — осторожно ответила Таня.

Игорь снова расхохотался. Алла даже обернулась и внимательно посмотрела на него.

— Ну да, ты ведь не знакома с реалиями жизни в посольстве, — сказал Игорь. — Аквариум — так мы на сленге называем комнату, изнутри обшитую специ-

альными панелями, которые делают невозможным прослушивание. Там и ведутся конфиденциальные разговоры.

— А что, нас сейчас подслушивают? — Таня затаила дыхание. Она специализировалась на Северной Европе и Скандинавии, однако такие тонкости в институте не преподавали.

— Не исключено. — Тон Игоря стал серьезным. — Этого никто не знает, Таня. Возможно, наш разговор сейчас слушают любопытные господа из ЦРУ или «Моссада». Впрочем, такова жизнь.

Посольство походило на отель — каждый выполнял отведенную ему функцию. Как узнала Таня, вся прислуга, даже садовник и горничные, отбиралась Комитетом государственной безопасности.

Тем же вечером Виктор Викторович представил свою жену и дочь. Таня не запомнила всех, оказалось, что в посольстве около тридцати человек. Неужели Игорь прав, и помимо всего прочего ее отец занимается также шпионской деятельностью? Таня сразу вспомнила фильмы, в которых шпионами оказывались иностранцы, а советские граждане, похищающие секреты за рубежом на благо Родины, именовались разведчиками.

Тане отвели собственную комнату, весьма милую, с окнами, выходящими в сад. По утрам девушка могла наблюдать за тем, как трудолюбивый садовник возился с клумбами, на которых пылали алые звезды из цветов.

В посольстве стало скучно через два дня. Имелась масса запретов: нельзя громко говорить, нельзя покидать территорию, нельзя мешать важной работе, даже с отцом поговорить нельзя. Таня пыталась попасть к нему, однако каждый раз у двери кабинета ее встречала Алла.

— Таня, тебе нельзя, Виктор Викторович занят, — говорила она.

Таня пыталась позвонить ему по внутреннему телефону — постоянно занято. Отца она видела по вечерам, и то мельком.

— Ну как, дочка, нравится? — спрашивал он ее и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Я знал, что тебе понравится, поэтому и пригласил тебя в Бертран.

— Папа, здесь несколько... несколько... однообразно, — попыталась подобрать нужное слово Таня. Не могла же она сказать, что ей до ужаса надоело торчать в комнате, перечитывать бертранские газеты, в который раз обсуждавшие тему, кто станет новой подругой великого князя Клода-Ноэля, наблюдать за тем, как садовник миллиметр за миллиметром подстригает кустарники.

И так — каждый день? Не может быть! Возможно, ее представления о жизни дипломатов были несколько преувеличенными, если не сказать превратными, но постоянно жить в замкнутом мире...

Выбираться в Бертран было категорически запрещено, однако на выходных Виктор Викторович взялся сам показать жене и дочери княжество. Аллу более всего интересовали виллы знаменитостей, причал, около которого колыхались белоснежные катера и яхты, рестораны и магазины. К великому счастью, по причине уик-энда все магазины были закрыты, по московскому опыту Таня знала — мачеха могла перебирать и примерять вещи день напролет.

— Великолепный дворец, — вздохнула Алла, когда они оказались около пышного здания в стиле рококо, где обитало великокняжеское семейство. Гвардейцы в пестром одеянии, похожие на игрушечных солдатиков, стояли по стойке «смирно» около черных ворот с

позолоченным верхом, которые ограждали венценосных особ от всех остальных.

В ее голосе сквозило такое неподдельное отчаяние, что Виктор Викторович саркастически произнес:

— Дорогая, поверь мне, княжеский титул не так уж много дает. Гримбурги на пороге разорения, и если их не спасет чудо, ну, например, Клод-Ноэль не женится на богатой американке, как это в свое время сделал монакский принц, то через пару-тройку лет Бертран окажется в финансовой зависимости от США, Франции и Швейцарии.

— И все же, Витя, — сказала Аллочка, — какое чудо. Когда состоится прием во дворце?

— Через две недели, — ответил Виктор Викторович. — По случаю дня рождения вдовствующей княгини Беатриссы.

Таня не понимала всей суеты вокруг княжеской семьи. Намного интереснее для нее было тайком выбраться в город и поглазеть на роскошные казино, магазины и просто познакомиться с чужой жизнью.

Зато Алла в полной мере наслаждалась новой ролью. В ее голосе прорезались командные нотки, она уже отдавала приказания прислуге в посольстве. И кто посмеет возразить — она, Алла Полесская, жена Чрезвычайного и Полномочного посла!

— Посмотрите, как вы пропылесосили ковер, вся пыль в углах осталась! — отчитывала она горничных. — И почему кровати заправлены не так, как нужно? Что такое, как ни зайду к вам в комнату, вы все время пьете чай и сплетничаете.

Таня скоро поняла, что к ее мачехе относятся с тщательно скрываемой ненавистью. Таня познакомилась с Людмилой, милой переводчицей, которая была всего на несколько лет старше девушки. С ней можно

было поговорить по душам, все другие в посольстве были значительно старше.

— Как же я тебе завидую, — призналась как-то Людмила Тане.

Они были в парке, раскинувшемся около княжеского дворца. Рядом сновали туристы, немногочисленные жители Бертрана — в основном пожилые пары, одетые со старомодной изысканностью, — неспешно прогуливались по песчаным дорожкам, которые вились мимо цветов, фонтанов и деревьев.

— Почему? — искренне удивилась Таня.

— Как ты не понимаешь, — ответила Людмила. — У тебя все есть — высокопоставленный отец, учеба в самом престижном вузе, блестящие перспективы.

Впервые Таня заметила, что Людмила, которую она уже считала подругой, завидует ей.

— Отца я вижу крайне редко, — ответила она. — Едва ли раз в полгода. Моя мачеха, сама понимаешь, не подарок. Да, у нас все есть, и мне известно, что подавляющее большинство жителей нашей страны стоят в очередях и никогда не могут оказаться за границей.

— Ты права, — сказала Люда.

Они прошли мимо симпатичного, похожего на итальянца или испанца молодого человека, который вдруг подмигнул Тане.

— Ты видела? — прошептала Таня. — Он мне подмигнул.

— Привыкай к этому, — сказала Люда. — Ты умеешь нравиться, у тебя это в крови. Мне, увы, такое недоступно.

Таня знала историю Людмилы. Она приехала в Москву из небольшого городка в Сибири с желанием покорить столицу. Ее знаний (или связей) для поступления в институт на отделение иностранных языков не хватило. Однако через два года Людмила была сту-

денткой. Что произошло за это время, она не говорила, однако Таня, несмотря на свою неопытность, не была наивной простушкой — наверняка Людмиле пришлось пойти на очередную сделку с совестью и моралью. Таня знала многих девушек, которые ради того, чтобы получить желанное место в московском вузе, соглашались стать любовницами высокопоставленных и могущественных людей.

Они еще немного побродили по парку. Таня наслаждалась жизнью. Пусть и несколько однообразной, пусть и в окружении людей, которые не понимают ее.

Ее мысли занимал Игорь. Несколько раз во время разговора с ним Тане казалось, что молодой человек хочет ей что-то сказать, но не решается. Неужели она ему нравится?

Татьяна столько раз рассматривала себя в зеркале. Она так похожа на покойную мать, которая в свое время считалась одной из самых красивых женщин столицы. Нет, определенно у нее есть все основания рассчитывать на благосклонность Игоря.

Следующая неделя была посвящена подготовке приема во дворце великого князя Клода-Ноэля. Алла буквально достала всех постоянными придирками и претензиями. Виктор Викторович, обычно спокойно относившийся к капризам жены, на этот раз не выдержал:

— Алла, почему ты считаешь, что я должен заказывать тебе платье в Париже? У тебя и так полно тряпок. Чемоданы не помещаются в твоей комнате, а ты требуешь от меня платье от кутюр.

— Я хочу выглядеть на уровне, — заявляла Алла. — Виктор, ведь ты не можешь пренебрегать престижем страны. Что подумают, если я буду плохо выглядеть? Нас просто засмеют.

Таня при всей своей антипатии к мачехе не могла не признать, что та обладала отменным вкусом. Однако если учесть, какое количество денег, по большей части государственных, она тратила на одежду, косметику и парикмахера, то становилось ясно, почему Алле удастся выглядеть просто потрясающе.

Накануне приема нервозность в посольстве достигла апогея. Алла, измучившая всех просьбами, приказами и наставлениями, носилась по верхнему этажу с перевязанной головой и причитала:

— У меня разыгралась мигрень, боже мой, как же я смогу завтра показаться во дворце. Я не могу заснуть, у меня будут мешки под глазами. Виктор, ну сделай что-нибудь. Где врач?

Посольский медик, добродушный, с седой бородкой, в который раз вздыхал и пытался втолковать Аллочке, что нужно немного успокоиться и дать другим возможность прийти в себя.

— Как я могу успокоиться, если она сожгла мое платье! — Алла картинным жестом указала безупречно отманикюренным пальцем на одну из горничных. — Как можно доверять таким балбескам, они ничего не умеют!

Таня не сомневалась, что горничная намеренно испортила платье мачехи, от этой мысли становилось как-то веселее.

— Я не могу, Виктор, я умираю, подайте мне чай из лекарственных трав, и поживее!

Виктор Викторович закрылся в кабинете и никак не реагировал на сумасшедшие выходки жены. Тара-рам продолжался до половины четвертого, когда Алла наконец улеглась отдыхать. Посольство, похожее на растревоженный улей, постепенно приходило в себя.

Трезвон будильника заставил Таню проснуться в половине седьмого. Она уже отвыкла подниматься в

такую рань. Алла, свежая, похожая на сказочную фею, умывшуюся водой из розовых лепестков, уже крутилась перед гигантским овальным зеркалом, которое она специально выписала из Венеции — разумеется, за счет посольства.

— Скажи мне, что я великолепна, — потребовала она от мужа.

Таня с сожалением отметила, что за две недели, которые они находились в Бертроне, отец постарел на несколько лет. Ему необходимо отдохнуть от Аллы.

— Ты великолепна, моя дорогая, — произнес Виктор Викторович. — Но почему мы должны подниматься так рано, прием назначен на полдень, еще масса времени. До княжеского дворца рукой подать, всего полкилометра.

— Ты что, не могу же я, жена советского посла, идти пешком! — в ужасе воздела к небу руки Алла. — Виктор, как ты можешь. Я распорядилась подать лимузин. Так, я должна немедленно принять ванну.

Она скрылась из виду, а через несколько секунд ее недовольный, похожий на скрежет пилы голос вновь прорезал воскресную тишину:

— Боже, идиотки, кто же посмел напустить такую горячую воду в ванну? Ты что, хочешь, чтобы с меня слезла кожа? И где пена, я тебя спрашиваю, остолопка, куда подевалась пена?

Из ванной комнаты вышла растрепанная горничная, которая бросилась к послу:

— Виктор Викторович, извините, но я не в состоянии выдерживать постоянные претензии вашей супруги. Я не ее камеристка, чтобы она меня таскала за волосы. Я буду жаловаться!

Полесский, который всегда очень щепетильно относился к подобного рода делам и предпочитал делать все самостоятельно, рассыпался в извинениях.

Горничная удалилась. Алла, завернутая в бордовое полотенце, появилась в дверях, сверкая глазами, как разъяренная фурия.

— Алла, прекрати, — сказал Виктор Викторович. — Ты ведешь себя, как взбалмошная американская миллионерша. Эти люди — сотрудники посольства, они не слуги, ты это понимаешь? Они не обязаны напускать тебе ванну и носиться вокруг тебя.

— Конечно же, мой милый. — Алла превратилась в карамельку. Она обняла мужа за шею и поцеловала в ухо. Виктор Викторович зарделся.

— Ну не при посторонних же, — сказал посол, пытаясь отстранить жену.

— Извини меня, мой дорогой, — произнесла Алла. — Я вся на нервах, но ведь я стараюсь для тебя. Я не хочу, чтобы на меня указывали пальцем и говорили: вот та самая русская, у нее перхоть, растрескавшиеся губы и платье, купленное в комиссионке.

Переубедить Виктора Викторовича не составляло труда. Всего пара минут, и он согласился с женой.

— Татьяна, — недовольным голосом произнесла Алла. — Ты решила, что наденешь? Ради бога, не думай, что я позволю тебе появиться в джинсах или страшной юбчонке, которую ты так любишь. Живо к себе в комнату. И хотя бы для приличия немного косметики, у тебя скверная кожа, прыщи на лбу, возьми у меня тональный крем.

Таня не на шутку обиделась. Кожа у нее вовсе не скверная, наоборот, бархатистая, и в помине нет никаких прыщей. Алле доставляло удовольствие шпынять падчерицу, особенно при отце.

— Пожалуйста, Танюша, — сказал отец и виновато улыбнулся. — Выбери что-нибудь красивое, у тебя ведь есть.

— А если нет, то ты можешь остаться дома, — пред-

ложила Аллочка. — Почитаешь, расслабишься, так ведь, Витя?

На этот раз посол проявил недюжинную выдержку:

— Алла, Татьяна должна нас сопровождать. Она моя дочь, и великий князь пригласил тебя, Таню и меня. Так что это не обсуждается.

— Как скажешь, милый, — Алла закусила губу.

Ей явно не хотелось, чтобы падчерица присутствовала на великокняжеском приеме. Таня не раз ловила себя на мысли, что ситуация в их семье чем-то напоминает сказку «Золушка»: злобная мачеха, мягкотелый отец. Однако, если посмотреть, Алла была не более чем взбалмошной и эгоистичной посредственностью, ее отец намеренно посвятил себя дипломатии, а сама Таня не чистила дни напролет картошку. Все не так уж плохо.

Таня перебирала платья, когда посольство огласил истошный вопль, похожий на крик раненого Тарзана и вой полицейской сирены. Разумеется, в который раз это была Аллочка.

— Вода в ванне ледяная! — орала госпожа посольша. — Виктор, горничная, эта мерзавка, напустила ледяную воду и специально добавила пены. Боже мой, что за издевательство надо мной!

Ее вопли перешли в рыдания, слишком громкие и оттренированные, чтобы быть подлинными.

Таня рассмеялась, представив, как мачеха со всего размаху погружается в мраморную ванну, заполненную ледяной водой. Настроение улучшилось.

Свой выбор Таня остановила на скромном черном платье. Она еще ни разу не присутствовала на подобных приемах. Когда-то ей пришлось, как и всем, кто заканчивает школу, быть на выпускном вечере. Но между выпускным вечером в элитной школе и приемом во дворце великого князя Бертранского лежала

непреодолимая пропасть. Как-то в одном модном журнале Таня вычитала, что лучший способ поразить роскошью — одеться как можно более просто.

Когда Аллочка увидела Таню, то посинела от злости. Еще бы, она сама истратила на торжественный наряд огромное количество времени и еще больше денег, довела себя и окружающих до белого каления, а тут девчонка, которая ничего не смыслит в жизни, выглядит просто сногшибательно. Не может этого быть, просто не может!

Сама Аллочка облачилась в светло-голубое облегающее платье, которое выгодно подчеркивало ее совершенную фигуру. Жемчуга обвивали шею и запястья, на прическу ушло около трех часов.

— Таня, ты выглядишь супер, — сказал Игорь.

Аллочка бросила сердитый взгляд на помощника мужа. Почему никто не сделает ей комплимент?

— Дочка, ты прекрасна, — сказал Виктор Викторович.

Аллочка в сердцах швырнула расческу в зеркало.

— Нам пора, — заявила она. — Мы не можем опаздывать. Быстрее, Татьяна, ты слышишь, что я сказала?

Праздничное настроение было смазано. Неужели какая-то девчонка превзошла ее? Ну ничего, на приеме она еще покажет себя.

Лимузин, отполированный до нестерпимого блеска, ожидал их около входа. Аллочка в десятый раз прокрутила в голове фразы на французском, которые специально заучивала. У нее не было способностей к языкам, однако на приеме необходимо изъясняться или по-французски, или по-английски.

В тот день на улицах княжества было множество роскошных автомобилей. Все спешили на прием во дворец, поздравить вдовствующую княгиню с днем

рождения. Советский посол преподнес роскошный герб Бертрана, выполненный из уральских самоцветов.

Дворец был украшен разноцветными флагами. Среди них особо выделялся золотой крылатый лев на алом фоне — знамя династии Гримбургов, которая уже многие сотни лет безраздельно царила в средиземноморской монархии.

Лимузин замер около огромной, в десять или даже больше пролетов, лестницы, которая взлетала к дворцу, выстроенному в прихотливом стиле конца семнадцатого века. Таня поежилась. Везде фоторепортеры, сверкают вспышки, галдят журналисты. Такое событие не останется без внимания прессы и телевидения.

— Не волнуйся, — шепнул ей отец. — Я тоже немало волновался в первый раз, когда вручал князю верительные грамоты.

Аллочка изучала свое отражение в зеркале и нашла, что выглядит безупречно. Но лишний раз взглянуть на идеальную красоту не помешает.

Дверь лимузина услужливо распахнул одетый в красную с золотом ливрею дворецкий. Таня вспомнила фильмы про старину. Смешно, но в Бертрane сохранились архаичные обычаи. Она вдруг подумала, что ей нравится роскошь. Конечно, они и так жили более чем обеспеченно, относились к элите советского общества, но великий князь, дворец, сияние драгоценностей — это нечто из иного мира.

— Не криви губы, — скомандовала, как всегда, в самый неподходящий момент Аллочка. — И держи спину прямо, ты меня поняла?

Защелкали вспышки, советскому послу, который появился в окружении двух прелестных спутниц, было уделено много внимания.

— Улыбайся, — прошипела Аллочка, лучезарно

сияя. Она кокетливо помахала рукой журналистам, раздался гул восхищенных голосов.

— Алла, не переусердствуй, я не хочу, чтобы завтра все местные газеты вышли с твоим фото на развороте и подписью: «Жена советского посла поразила всех своей сексапильностью».

Алла вовсе не возражала против подобной публикации, но перечить мужу не решилась.

— Ты понравилась журналистам, — сказал Тане Виктор Викторович. — Я знаю эту братию. Но пойдемте, нам нельзя опаздывать.

Подкатил следующий лимузин, из которого показались новые гости, все внимание переключилось на них. С бьющимся сердцем Татьяна поднималась вверх, к дворцу. На каждом пролете их встречали приветливые слуги: те, что располагались внизу, были облачены в хитоны древних греков, и с каждым пролетом эпохи сменяли одна другую — раннее Средневековье, блестящая роскошь Ренессанса, прихотливое рококо, пышный амбир.

— Князь Клод-Ноэль большой выдумщик, он обожает праздники, — пояснил Полесский. — Тратит все деньги на развлечения. Но нас это не касается.

Огромные зеркальные двери были распахнуты, и несмотря на то что часы пробили полдень, в старинных канделябрах оплывали свечи. Таню поразила необычайная роскошь. Везде сверкало золото.

— Господин Виктор Полесский, Чрезвычайный и Полномочный Посол Союза Советских Социалистических Республик в Великом княжестве Бертранском, — провозгласил двухметрового роста дворецкий с пышными бакенбардами и ударил жезлом о паркетный пол. — С супругой и дочерью.

Они вошли в зал. Таня заметила, как притихли разговоры. Их изучают, они стали объектом пристально-

го внимания. Еще бы, отношение к посланцам коммунистической державы в монархии было любезным, но более чем прохладным, если не сказать чопорным. Таня знала (она регулярно читала заметки в бертранской прессе, совершенствуя свой французский), что их считают полудикими личностями, которые не умеют есть при помощи вилки и ратуют за мировую революцию.

Оторвавшись от группы шикарно одетых гостей, к ним подошел темноволосый с залысинами человек лет тридцати и произнес:

— Господин посол, я в восхищении. Представьте мне, прошу вас, вашу очаровательную супругу и прелестную дочь. Кто есть кто — могу ли я спросить?

Он рассмеялся, и его смех снял напряженность. Снова заиграла музыка, разговоры возобновились. Таня знала, что перед ними предстал сам Клод-Ноэль Первый, великий князь Бертранский, плейбой, мот и любитель праздников. Его фото регулярно появлялись во всех мировых изданиях в статьях с пикантными и шокирующими подробностями.

— Ваше высочество, я польщен, — на безупречном французском ответил Виктор Полесский. — Моя супруга Алла, моя дочь Татьяна.

Алла присела в тщательно отрепетированном книксене и попыталась пробормотать несколько фраз. У нее ничего не получилось. Таня с изумлением отметила, что мачеха волнуется. Алла, снежная королева, надменная истеричка, растерялась. Впрочем, все-таки не каждый день сталкиваешься с настоящим принцем.

Клод-Ноэль внимательно выслушал нечленораздельное мычание Аллы, вежливо улыбнулся и обратился к Татьяне.

— Как вам нравится в моем княжестве? — задал он вопрос, явно не рассчитывая на ответ.